

Кронштадтский детектив

*Мушинский
Олег*

Русалки

12+

Кронштадтский детектив

Олег Мушинский
Русалки

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мушинский О.

Русалки / О. Мушинский — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Кронштадтский детектив)

Российская империя, Ревель, 1909 год. Агенту сыскной полиции Ефиму Кошину предстоит вывести на чистую воду русалок-вымогателей. Примечание: повесть входит в цикл "Кронштадтский детектив", который начинается с повести "Маяк Петра Великого".

Небо над Ревелем было затянуто плотной серой пеленой без единого просвета. Моросил дождь. Поезд прибыл на Балтийский вокзал ровно в полдень, но, право слово, было такое впечатление, будто бы уже наступал вечер.

Я надел шляпу и вышел из вагона на перрон. Несмотря на дождь и ветер, было тепло. Мне в мундире, да еще и при галстукe, вовсе оказалось жарко. Будь моя воля, я бы, конечно, оделся полегче, но мы с инспектором Гавриловым прибыли в Ревель с официальной миссией, так что приходилось соответствовать.

На перроне нас уже встречали. У выхода из вагона меня окликнул полицейский. Он тоже был в мундире. Без него я бы, пожалуй, этого здоровенного бородача принял за кузнеца.

– Кошин Ефим Родионович будете? – осведомился полицейский на удивление мягким голосом.

Я подтвердил, что это я и есть, и полицейский спросил, где инспектор. Я обернулся. Инспектор как раз выходил из вагона. Высокий и солидный, он заполонил собой весь проём.

– Гаврилов Вениамин Степанович собственной персоной, – представил я его. – Прошу любить и жаловать.

Полицейский поздоровался и представился:

– Городовой Матиас Тамм. Добро пожаловать в Ревель, господа. Господин полицмейстер поручил мне встретить вас.

Он махнул рукой и к нам тотчас подошел носильщик. Багажа у нас было всего ничего: пара чемоданов, портфель с бумагами да зонтик инспектора. Мы бы и сами его унесли, но положение, как говорится, обязывало. Столичный инспектор не мог сам таскать чемодан, а Вениамин Степанович был командирован в Ревель именным приказом из самого Санкт-Петербурга. Я же при нём состоял в качестве помощника.

Мимо неспешно проходил мрачный тип с букетом в руках. Думаю, этот человек не уступил бы ростом нашему новому знакомому, если бы не был таким скрюченным. Невероятно тощий, в сером обвисшем плаще, он мне сразу напомнил деревце на болоте. Всклоченные черные с сединой волосы вполне сошли бы за брошенное гнездо, а свернутая чуть набок, будто бы приклеенная, борода – за клочок сухой травы, закинутой ветром на ветки. Этаким леший в костюме.

Он окинул нас внимательным взглядом и побрел дальше.

– Прошу за мной, – сказал Матиас.

Мы проследовали к выходу. Перед зданием вокзала нас ожидал экипаж, запряженный ветхой лошадкой с соломенной шляпой на голове.

– М-да, не призовой скакун, – заметил я, пока носильщик забрасывал внутрь наши вещи.

– Тише едешь, дальше будешь, господин Кошин, – невозмутимо отвечал Матиас. – А спешить нам некуда. Господин полицмейстер задерживается. Сейчас заедем в гостиницу, откушаете, а потом, если захотите, я вам покажу город.

– Некогда, – сказал инспектор. – Мне еще нужно документы просмотреть, так что едем сразу в управление. Вы, Ефим, отправляйтесь на почту. Если срочных телеграмм нет, можете считать себя на этот вечер свободным. У вас, мне помнится, были какие-то планы.

– Как скажете, господин инспектор, – спокойно согласился Матиас, и добавил уже для меня. – Почтамт в той стороне.

Он растолковал мне дорогу, и я поспешил откланяться, пока инспектор не передумал. Не то чтобы за ним это часто водилось, но интересы работы Вениамин Степанович всегда ставил на первое место. Работы, насколько я знал, было море, причём море бумажное, то есть самое что ни на есть тоскливое. На ее фоне даже прогулка под моросящим дождем казалась волшебной. Тем более что Матиас оказался прав: посмотреть на город действительно стоило.

Прямо перед вокзалом раскинулся парк, а за ним, на холме, возвышался старинный град, с красными черепичными крышами, башенками, кое-где даже крепостная стена сохра-

нилась. Казалось, будто мы приехали в сказку, но стоило повернуть голову направо, и перед глазами вставал современный город с дымящими заводскими трубами. Как ни удивительно, но этот контраст нисколько не портил облика Ревеля. Напротив, он придавал ему завершенность. Передо мной вставали не театральные декорации, а живой, дышащий стариной, город.

Здание почтамта я нашел без труда. Юноша за стойкой, так растягивая слова, будто бы пробовал их на прочность, сообщил мне, что никакой почты ни для господина Кошина, ни для господина Гаврилова нет. На этом моя миссия завершилась. Я уже собирался уходить, когда моё внимание привлекла доска объявлений.

Среди всяких "продам", "куплю" и "дам уроки" выделялась большая афиша на дешевой желтоватой бумаге, обещавшая, что "только сегодня, 9 июня 1909 года, в три часа после полудня, инженер Морошкин совершит полет над городом на аэроплане". А точнее, как мне было доподлинно известно от одного хорошего знакомого, на триплане.

Собственно, ради возможности увидеть в деле аэроплан с тремя крыльями я и напросился помощником инспектора в эту поездку. Дождь за окном недвусмысленно намекал, что мероприятие придется переносить, но внизу кто-то приписал крупными печатными буквами: "полет состоится в любую погоду!".

Заинтригованный, я оторвал юношу от безмятежного созерцания пустого зала и узнал, что приписку сделал тот же человек, который повесил афишу. У них, мол, с этим строго.

– А вы-то как думаете? – спросил я. – Полетит?

– Планирует, – дипломатично ответил юноша.

– Ясно, – сказал я, и вышел на крыльцо.

Ветер тут же забросил за воротник пригоршню капель. Я поежился, и отступил назад, под козырек. Пока я поправлял воротник, дверь снова распахнулась, пропуская того скрюченного типа, которого я на вокзале окрестил "лешим". Дождь и его поприветствовал каплями в лицо. Утираясь на ходу, леший шагнул на первую ступеньку и остановился. У него ни зонта, ни шляпы не было, а дождь, словно вредничая, как раз в этот момент резко усилился. Я кашлянул. Леший вздрогнул и оглянулся через плечо. Увидев меня, он, словно устыдившись своих колебаний, фыркнул и решительно направился прочь, демонстративно шлепая прямо по лужам.

Его пример не показался мне привлекательным, в отличие от вывески через дорогу, обещавшей "Чай и кушанья". Завтракали мы с инспектором сегодня рано, время до начала полета еще оставалось, непогода разыгралась – в общем, все факторы голосовали принять приглашение. Придерживая рукой шляпу, я быстро перешел через улицу.

"Чай и кушанья" оказался приличным ресторанчиком, с круглыми столиками и картинами на стенах. Я устроился у окна, под картиной с морским пейзажем. Ко мне стремительно, будто чайка, метнулась официантка. Это была миловидная девушка в белом платье. Я спросил, что у них есть из готовых блюд, и она излишне многословно ответила. Говорила девушка, растягивая слова, но при этом так тараторила, что у нее не предложения, а рубленый салат из них получался.

Я честно пытался ее понять, но тут за окном прошел леший. И не просто прошел! Остановившись на углу, он прижался лицом к стеклу, вглядываясь внутрь. Наши взгляды встретились. Леший отпрянул и рванул прочь. Я вскочил, напугав девушку, и выбежал из ресторана. К сожалению, леший успел скрыться. На улице был только дождь. Часы на здании почтамта показывали ровно половину первого. Я удивленно покачал головой. Всего полчаса в городе, а за мной уже следили!

Вблизи ангар инженера Морошкина сильно смахивал на обычный сарай. Полагаю, изначально он и был им, а взлетное поле раньше служило выгоном. Поле окружал забор, сплетенный из жердин. Вдоль него росли огромные лопухи. Само поле было тщательно вычищено, а трава скошена. От дверей сарая тянулась взлетная полоса, посыпанная кирпичной крошкой.

На мой взгляд, несмотря на весь этот пасторальный пейзаж, место было выбрано отлично. Ангар стоял на взгорке, на самой окраине города. Точнее, пожалуй, за окраиной, но город так активно разрастался, что тут сложно было определить четкие границы. Заброшенные, судя по изобилию сорняков, поля вокруг не мешали ни полету, ни наблюдению за ним, ни аварийной посадке, если бы таковая вдруг приключилась.

Дождь всё еще моросил. Горожане, впрочем, были настроены оптимистично. Когда я приехал, у ангара уже собралась приличного вида толпа и зрители продолжали прибывать. Один за другим подъезжали экипажи всех мастей, подходили пешком крестьяне и мастеровые. Я внимательно высматривал лешего, но тот как в воду канул.

По дороге вдоль забора прохаживался зазывала. Он же билетёр. Его луженую глотку я еще в черте города слышал. Внешне это оказался обычный мужичонка в картузе да латанном кафтане. Не уставай напоминать, что только сегодня публика может стать свидетелем волнующего зрелища, он лихо продавал ей билеты.

Надо сказать, что билеты у него – для подобных мероприятий – были не из дешевых. По гривеннику за штуку, а если поближе, прямо с взлетного поля, то аж двадцать копеек.

– Это ж триплан, господа! – бессовестно втирал публике зазывала. – Не биплан какой-нибудь, понимать надо! Три крыла всяко дороже двух.

Я усмехнулся и купил билет за двадцать копеек. Стоило ли тащиться за триста с гаком километров, чтобы смотреть не из первых рядов? Долговязый парень пропустил меня через ворота, и я присоединился к довольно многочисленной группе тех, кто тоже хотел взглянуть на чудо техники поближе.

Вениамин Степанович, когда говорил о постоянстве в работе полиции, любил цитировать одну японскую поговорку: самурай без меча – это как самурай с мечом, только без меча. Сегодня в Ревеле японская мудрость прозвучала бы так: толпа с зонтиками под дождем – это как толпа без зонтиков под дождем, только с зонтиками.

Каждый раскрыл над головой свой зонт. Думаете, получился сплошной щит от непогоды? Как бы не так! Зонтики-то как шляпки у грибов. Капли на них долго не задерживались, стекая на головы соседей. Те, понятное дело, прикрывались своими зонтиками, опуская их пониже, но добивались лишь того, что перераспределяли потоки воды, потому как пострадавшие от их находчивости в свою очередь норовили подсунуть свои зонты снизу. Как следствие, те, кто пришли с зонтами, промокли точно так же, как и те, что решили обойтись без них.

Справа от меня высокий молодой человек старательно смешил свою барышню какой-то запутанной историей. Должно быть, из жизни родственников. Я особенно не вслушивался, но совсем игнорировать парочку тоже не мог. Капли с их зонта, ловко минуя поля моей шляпы, улетали мне прямо за шиворот. Я сделал парочке замечание. Молодой человек извинился, умудрившись не прервать при этом свою историю, и ловко переместил зонт. Теперь капли с него летели в лицо приземистому крестьянину. У того на голове была мягкая кепчонка с маленьким козырьком, который его нисколько не спасал. На лице бедолаги застыло всё многовековое терпение трудового народа.

Сигналом к началу послужил громкий скрип несмазанных петель. Ворота сарая распахнулись.

– Внимание! – закричал зазывала. – Внимание!

Толпа дружно ахнула, и вовсе не от восторга. Из сарая выкатился какой-то велосипед с крылышками. По конструкции это действительно был триплан, но боже ты мой! Это был самый худосочный аэроплан из всех, какие мне только доводилось видеть. Вся конструкция была собрана из каких-то тонюсеньких реечек, а полотно крыльев так и вовсе оказалось туго натянутой парусиной. Моей первой мыслью было: вот сейчас пилот спрыгнет, и оно действительно полетит. Это чудо попросту унесет ветром.

С пилотом аэроплан не полетел, а поехал. По бокам бежали двое помощников, поддерживая крылья. Громко урча мотором, триплан выкатился на взлетную дорожку.

– Внимание! – заревел во всю мощь легких зазывала.

И тут мотор заглох.

Наступила зловещая тишина. Пилот, высунувшись вперед, лихорадочно копался в моторе. Люди ждали. Я буквально ощущал всей кожей, как медленно нарастал градус их разочарования. Да и мой тоже. Приехать в такую даль, заполучить в перспективе две недели скучнейшей работы с бумагами, и ради чего?! Ради вот этого выезда на велосипеде?!

– Вот-вот, – поддержал мои мысли молодой человек с зонтиком. – Стоило ли тащиться в дождь за город ради этого?

– Уже всё? – тихо и как-то равнодушно спросил низкорослый крестьянин.

– Надеюсь, что нет, – ответил я.

Молодой человек хмыкнул.

– Ну разве что этих клоунов еще побьют, – выразил он общую мысль.

Его барышня изобразила недовольную гримасу. Я огляделся по сторонам. Народ, как писал классик, безмолвствовал, но это было затишье перед бурей. Причём бурей пахло серьезной. Тут было, наверное, сотен пять зрителей и ни одного полицейского. Даже парень у ворот дал деру. Те двое, что придерживали крылья, осторожно, бочком, отступали назад к сараю. Первым в таких случаях обычно били зазывалу, но при таком раскладе мало никому не покажется.

Толпа на дороге начала сдвигаться к воротам, но право первого удара, по всей видимости, уступала тем, кто заплатил вдвое больше.

Внезапно моторчик ожил. До нас донесся его бодрый чих, и триплан бодро покатил по дорожке. Зрители мгновенно сменили гнев на милость. Послышались крики "ура!", "давай!" и тому подобное. В воздух взлетели шапки, падая вниз вместе с изморосью, но никого это, похоже, не волновало. Я и сам почувствовал, что захвачен волшебством момента. Да что там, даже дождь притих!

Дальнейшее произошло очень быстро. Аэроплан стремительно разогнался, разок подпрыгнул и оторвался от земли. Вот он уже полметра над землей, метр... но поле кончалось еще быстрее, а сразу за забором росли две березы. Меж ними виднелся солидный просвет – его вполне хватило бы для нормального, полноценного аэроплана – но пилот забрал слишком сильно вправо.

– Левее! – закричал я. – Держи левее!

Мой крик потонул в восторженной овации. Впрочем, пилот меня всё равно бы вряд ли расслышал. Аэроплан промчался над забором. Зрители аплодировали. Пилот победно вскинул руку... и со всего разгону влетел в дерево.

Береза оказалась крепче. Хиленький аэроплан просто сложился, размазавшись по ней. Пилот вместе с верхней парой крыльев взлетел еще выше – аж до нижних веток – и оттуда рухнул вниз. Я бросился к нему. Меня обгоняли другие люди. Кто-то сразу занялся обломками аэроплана, кто-то склонился над пилотом.

– Живой? – спросил один.

– Да вроде, – неуверенно отозвался другой.

– Расступитесь! – прикрикнул на них я.

Опустившись на колено рядом с пилотом, я быстро установил, что тот всё-таки жив, о чём и сообщил остальным.

Внешне несостоявшийся покоритель воздушных просторов вполне подходил своему аппарату – худой, невысокий и жилистый. Одежда для полета тоже явно была подобрана, чтобы минимизировать вес, не нарушив приличий. Никаких толстых кожаных курток и сапог, в которых любили пофорсить наши столичные авиаторы. Только белая рубаша без рукавов – по мне,

слишком легкая для сегодняшней погоды, но опять-таки на дворе июнь-месяц – штаны и лапти с обмотками. Единственной данью моде был кожаный шлем, плотно облегающий голову, но без очков.

– Вы доктор? – раздалось у меня за спиной.

Я оглянулся через плечо. Это был зазывала. По всем канонам жанра ему уже полагалось удирать с деньгами, а он вдруг оказался тут, в самом центре внимания. То ли не знал канонов, то ли слишком сильно переживал за пилота.

– Нет, – честно ответил я на поставленный вопрос. – Просто кое-что в этом понимаю, но лучше позовите врача.

В ответ зазывала вздохнул и предложил для начала перенести пострадавшего в сарай. Дождь, увидев, что теперь действительно "уже всё", снова усилился. Мы с зазывалой взяли пилота под руки и аккуратно приподняли. Бедняга тихо застонал. Потом приоткрыл правый глаз. Точнее, сделал попытку, но было видно, что даже она далась пилоту с большим трудом. И тут я должен признать: он оказался настоящим аэронавтом. Едва очухавшись, пилот первым делом спросил:

– Что с машиной?

– Повреждена, – обтекаемо сообщил зазывала.

Ближе к истине было бы сказать: разбита в хлам, но пилоту и этого хватило. Глаз закрылся. Голова упала на грудь. На призыв зазывалы откликнулись те двое, что придерживали крылья, и мы вчетвером перенесли пилота в сарай.

Внутри тот куда более соответствовал названию "ангар". Половину помещения занимала мастерская: с двумя верстаками, с подъемником и даже со своим генератором. Рядом с ним, словно напоминая о прошлом статусе сарая, лежала большущая охапка сена. На нее мы аккуратно уложили пилота. Двоих наших помощников зазывала тотчас усладал собирать останки аэроплана, а сам принялся хлопотать. Последнее выражалось в том, что он ни мгновения не сидел без дела, но толку с его метаний было – чуть. Пришлось мне срочно вспоминать то небольшое, что я перенял от доктора Азенберга.

– Ребра не сломаны, – сообщил я результаты осмотра. – Шею он тоже себе не свернул, иначе был бы уже мертв, но всё-таки надо немедленно послать за врачом.

– Да-да, – закивал зазывала. – Спасибо, вы очень помогли. Дальше мы сами.

– Хорошо, приглядите за ним, а я позову врача, – сказал я, поднимаясь на ноги.

– Нет-нет, – отмахнулся зазывала. – Мы сами справимся.

При этом он явно никуда не собирался. Это показалось мне подозрительным, и я прямо поинтересовался:

– В чём дело? Ваши религиозные воззрения не позволяют вам обратиться к медицине?

Зазывала смутился, и таким тоном, каким обычно сознаются в своем первом ограблении овощного ларька, сказал, что у них нет денег на лечение.

– Да ладно? – удивился я. – Вы только сегодня должны были полсотни рублей собрать.

– Всего лишь сорок два, – грустно поправил меня зазывала.

– Тоже неплохо, – сказал я. – Неужели ваш доктор такой грабитель, что возьмет за один визит такую сумму? Или вас только что ограбили?! Так полиция...

– Нет-нет, – немедленно перебил меня зазывала, с тревогой оглядываясь по сторонам. – Не надо полицию. Всё в порядке, деньги все тут, – он похлопал себя по карману. – Только они для дела потребны.

– Что ж у вас за дело такое? – удивился я.

Зазывала внимательно посмотрел на меня. Смотрел он долго, и успел собраться с духом. Тон изменился.

– Знаете, господин хороший, – наконец сказал зазывала. – Спасибо, конечно, за помощь да участие, только это, знаете ли, не ваше дело.

– Что именно не мое дело? – спросил я. – Если ваше финансовое состояние, то да. А вот если вы задумали уморить его, – тут я кивнул на пилота. – То нет, это уже мое дело. И как гражданина, и как, между прочим, полицейского.

– Полицейского?!

– Агент сыскной полиции Ефим Кошин, к вашим услугам, – представился я, и предъявил свой документ.

Зазывала окончательно помрачнел.

– Ну вот только вас тут и не хватало, – проворчал он.

Развить столь многообещающую тему не дал пилот. Он громко застонал и, не открывая глаз, зашарил перед собой руками. Зазывала, мигом забыв о наших разногласиях, метнулся к нему и, бережно приобняв за плечи, помог принять сидячее положение. Я готов был спорить на что угодно, что забота эта – искренняя, а не показная специально для меня.

– Аэроплан сильно разбит? – хриплым шепотом выдавил из себя пилот.

– Точно не скажу, – проворчал зазывала. – Смотреть надо. Да самолет – ерунда, починим. Главное, ты живой остался. Вот господин хороший говорит, что даже кости не поломал.

– И всё-таки вам следует показаться врачу, – сказал я, и добавил, когда зазывала бросил на меня хмурый взгляд. – Не волнуйтесь, если вы так стеснены в средствах, я оплачу его визит.

– Надо же, – хмыкнул зазывала. – Ну, тогда, конечно, благодарствуем, господин хороший.

Пилот тоже порывался что-то сказать, но смог только закашляться. Зазывала вытащил фляжку и дал ему хлебнуть. Эффект получился обратный: пилот еще больше раскашлялся, да так, что его пополам свернуло. Пожалуй, доктор тут всё-таки не помешал бы. Я уже нацелился было пойти и найти такового, когда пилот выдавил из себя фразу, заставившую меня задержаться:

– А деньги? Денег хватит? Сколько ты сегодня собрал?

Зазывала озвучил ему ту же сумму, что и мне.

– Получается четыреста рублей, – прохрипел пилот. – Но нам надо пятьсот! Сегодня!

В ответ зазывала развел одной рукой – второй он придерживал пилота за плечо – и пробормотал, что, мол, да, надо пятьсот, но есть только четыреста. Такие дела. Пилот через хрип протолкнул тяжелый вздох. Это был самый подходящий момент, чтобы влезть не в свое дело.

– Господа, – сказал я. – Возможно, я смогу вам помочь?

Пилот взглянул на меня так, как, наверное, взглянул бы голодный волк, внезапно примитив в лесной чаще упитанного ягненка.

– Он из полиции, – предупредил зазывала.

Пилот вздрогнул.

– Да, – подтвердил я. – Поэтому, прежде чем предлагать помощь, я хотел бы быть уверенным, что деньги не предназначены для совершения преступления. Сами понимаете, мое начальство не одобрит, если я профинансирую ограбление городского банка.

Пилот, снова зашедшись в кашле, замахал руками. Мол, никаких злодейств, согласен на ваши условия. Зазывала был более осторожен.

– Закон мы уважаем, – сказал он. – Но, простите, господин хороший, у нас тут вообще не принято его нарушать. Так с чего это вы именно нам помогать удумали? Мы ведь даже не представлены друг другу как положено.

– Последнее, думаю, легко исправить, – не сдавался я, после чего по всей форме отрекомендовался пилоту. – Вы, как я понимаю, инженер Морошкин?

Пилот согласно кивнул. Я повернул голову к зазывале. Тот фыркнул и сказал:

– Морошкин я.

– Вы? – удивился я, снова поворачиваясь к пилоту. – Погодите, а вы...

– Он тоже, – ответил за него зазывала. – Он Пётр, инженер, как вы правильно заметили, а я – Михаил, механиком буду. Братья мы. Анатольевичи, если это имеет какое-то значение.

– Отлично, вот и познакомились, – сказал я. – Что до остального, то я не благотворительное общество, но ссудить вам сто рублей смогу. Почему? Ну а почему бы и нет? Я, как и вы, верю в будущее авиации, и буду рад поддержать усилия талантливого инженера в этом направлении. Может быть, именно благодаря вам мы перестанем заказывать дирижабли и аэропланы во Франции, а начнем выпускать свои, и не хуже.

Зазывала хмыкнул.

– Талантливый, – протянул пилот. – Боюсь, вы это не про меня сейчас сказали.

– Про вас, – уверенно заявил я. – Вы же взлетели. Какие еще доказательства вам нужны? Если бы вы не забрали так сильно вправо, то и полетели бы.

– Если бы, – ворчливо повторил зазывала. – Мы так уже лет десять летаем. Через забор и в канаву.

– В этот раз всё было по-другому! – вскинулся пилот, и снова закашлялся.

– Ну да, – спокойно согласился зазывала. – В этот раз вместо канавы было дерево.

– Я просто его не увидел, – выдавил через кашель пилот. – Пока в моторе копался, слякоть очки залепила. Взлетал практически вслепую.

– Ну и снял бы их, – проворчал зазывала. – В небе-то перед кем форсить? Перед галками?

– Я снял. Только поздно.

Зазывала покачал головой.

– Вот так всегда, – сказал он мне. – Вечно мы не успеваем.

– Тише едешь, дальше будешь, – вспомнил я слова своего недавнего знакомого. – Подготовитесь как следует, дождетесь нормальную погоду...

– Простите, – перебил меня пилот, он же Пётр. – Но деньги нам нужны сегодня.

И, судя по его взгляду, нужны были до зарезу. Зазывала, который Михаил, тоже явно отнекивался только приличий ради.

– Что возвращает нас к теме нашего разговора, – подытожил я. – Речь, как я понимаю, идет о покупке нового агрегата, причем, судя по вашему нежеланию привлекать к делу полицию – явно контрабандного.

Братья переглянулись.

– Вообще-то, нет, – честно сказал зазывала.

После чего я с полминуты наблюдал отчаянную внутреннюю борьбу между желанием получить с меня сто рублей и послать меня куда Макар телят не гонял. С подачи Петра первое победило. Существовал, конечно, еще один вариант: братья могли меня обмануть, но им самим такая мысль в голову не пришла.

– Ну, в общем, дело такое... – начал зазывала, и оглянулся на брата.

Тот твердо кивнул. Я изобразил на лице композицию "я весь внимание". Зазывала вздохнул, и начал рассказывать. На всякий случай я всё-таки приготовился отслеживать нестыковки в его рассказе, но быстро это забросил. Такая дикая история могла быть только правдой.

Началась она аж шестнадцать лет тому назад. Тогда мои новые знакомые были "подающими надежды" молодыми людьми. Петр учился на инженера, Михаил устроился на завод учеником механика, а их третий брат Иван поступил на службу во флот. Но все трое были одержимы одной идеей, одной целью – покорить воздушный океан!

Увы, человек предполагает, а бог располагает. Первое же плавание Ивана стало для него последним. Да и не только для него. В морской пучине сгинул броненосец "Русалка". По крайней мере, так гласила официальная версия. На Балтике бушевала буря, корабль попал в нее и с тех пор его никто не видел. Позднее на одном из островов нашли шлюпку с "Русалки", на другом – деревянные обломки, за неимением других кораблекрушений приписанные ей же, а в порту – крышки от люков, забытые командой броненосца.

Впрочем, морячки вообще повели себя на редкость безалаберно. Капитан канонерки "Туча", получив строгий приказ сопровождать броненосец, забыл о нём и оставил "Русалку" посреди шторма и тумана. Да что капитан?! Адмирал флота заметил, что потерял броненосец, лишь спустя трое суток после трагедии! Полиция, кстати, уложила в два дня, обнаружив разбитую шлюпку и доложив по инстанциям в морской штаб.

Потом, понятное дело, всем досталось на орехи. Адмиралу здорово всыпали за то, что выпустил "Русалку" в море, капитану канонерки – за то, что ее там оставил, а всем прочим, кто попал под горячую руку, за недостаточную бдительность и впредь на будущее. В 1902 году здесь, в Ревеле, был воздвигнут памятник в честь погибших моряков.

История печальная, но, казалось бы, давняя. Однако пару недель назад она неожиданно обрела продолжение.

Ближе к ночи братьев посетил один человек. Он отрекомендовался посредником и заявил, что представляет русалок Балтийского моря.

– Вот так вот, – сказал в этом месте Михаил.

Мол, это они утопили броненосец или, как считали сами русалки, забрали его себе. Он ведь тоже "Русалка", так что они как бы и право такое имели. Когда братья оправились от шока, у них возникло к гостю два вопроса. Первый озвучил Пётр:

– А что случилось с экипажем?

Экипаж, понятное дело, попал русалкам в плен. Мол, все пока живы – слово "пока" посредник четко выделил голосом – и обитают вместе с русалками на морском дне. Однако живые игрушки русалкам наскучили и пришла пора от них избавиться. Либо утопить окончательно, либо отпустить, но не просто так, а за выкуп.

Второй вопрос – у меня он был бы первым – касался психического здоровья посредника, и, к моему удивлению, озвучил его сам посланец русалок. Причём сделал это вполне разумно. Он сказал, что нечего верить на слово первому встречному. Мало ли каких безумцев на земле русской хватает. Нет, братьям предлагалось лично встретиться с русалками, убедиться, что их новый знакомый – не сумасшедший – и узнать, так сказать, из первых рук условия выкупа, чтобы не подумалось, будто посредник что-то себе урвать на этом деле желает. Он де исключительно о пленённых россиянах радеет.

В последнее братья не поверили. Другое дело, что навар посредника был для них вопросом даже не третьестепенным. Что ему посулили русалки за хлопоты – это его дело. Для братьев главное было, что Иван, возможно, всё ещё жив. А русалки там или, к примеру, немецкие социалисты – это, как разумно заметил Михаил, дело десятое.

Встречу назначили, не откладывая в долгий ящик, в ту же полночь.

– И что? – не удержался я. – Видели русалок?

Пётр кивнул, а его брат подтвердил:

– Именно так, господин хороший. Вот прямо как вас сейчас.

Полицейский департамент города Ревель внешне походил на мавзолей. Это было массивное серое здание, подавлявшее одним своим видом. Внутри никто не бегал, не кричал и никуда не спешил. Меланхолический дежурный так долго изучал мои документы, что я уже начал подозревать, что он просто уснул с ними в руках.

Я тихонько постучал ладонью по конторке. Дежурный вперил в меня долгий вопросительный взгляд, после чего сообщил, наконец, в каком кабинете искать инспектора из Санкт-Петербурга: второй этаж и по коридору налево до самого конца, где свернуть направо.

Пройдя этим путем, я обнаружил просторный светлый кабинет, а в нем – Вениамина Степановича и неизвестного мне чопорного старичка с длинной седой бородой. Инспектор сидел в кресле за большущим столом. На таком разве что военную кампанию планировать. Вся столешница была погребена под множеством бумаг, и только с самого краешку нашлось

место для фарфоровой кружки с чаем. И то, нашлось только потому, что часть бумаг старичок держал в руках, крепко прижимая их к груди.

– Добрый вечер, Вениамин Степанович, – сказал я. – Добрый вечер и вам.

Старичок церемонно кивнул мне в ответ:

– И вам здравствуйте, молодой человек. Вы кто будете?

– Это мой помощник, – сказал инспектор. – Ефим Родионович Кошин. Ефим, познакомьтесь: Пафнутий Павлович Чёрный, письмоводитель.

Старичок снова кивнул, но особой теплоты в его взгляде я не заметил. Только внимание. Инспектор взглянул на часы. У стены стояла настоящая деревянная башня с большим циферблатом, и стрелки показывали ровно четыре часа.

– Я так понимаю, этот ваш инженер никуда не полетел, – сказал инспектор.

– Увы, – ответил я. – Взлететь-то он взлетел, но сразу врезался в дерево. Хорошо хоть, живой остался. А вот аппарат – всмятку.

– Печально, – равнодушным тоном констатировал инспектор.

– Не то слово, Вениамин Степанович, – вздохнул я. – Аэроплан обратно в ангар на четырех тачках привезли. Плюс крылья отдельно.

– Вот как? – произнес инспектор, снова зарываясь носом в бумаги. – И что вы?

– Я пожелал пилоту скорейшего выздоровления, и прибыл к вам на помощь, пока вас не поглотило это бумажное море.

Инспектор внимательно посмотрел на меня, потом на старичка, и, молча кивнув, снова углубился в изучение какого-то отчета. Я прошелся по кабинету и остановился у окна. Мелкий дождь накрапывал уже из последних сил, но упорно не сдавался. В тучах обозначился первый просвет.

– Похвально, – сказал инспектор, не прерывая чтение, так что я даже не сразу сообразил, что это относится ко мне. – Похвально, Ефим. Что ж, работы много, – он перелистал бумаги справа от себя и повернул голову к старичку: – А где форма по авансовым отчетам?

Тот сунулся было в те же бумаги, но инспектор покачал головой.

– Нет, Пафнутий Павлович, это сами отчеты, а где утвержденная форма и приказ по ней? Принесите, пожалуйста.

– Слушаюсь, господин инспектор.

Письмоводитель аккуратно пристроил свои бумаги на краешке стола и вышел из кабинета. На его лице я успел прочесть: "нет у нас такой ерунды и никогда не было!" Однако найти несуществующий документ всё же легче, чем сказать "нет" столичному инспектору.

В прошлом году эта же "драма" целый сезон с успехом шла в кронштадтской сыскальной полиции, так что мысли и закулисные реплики героев я знал практически наизусть. Сейчас исполнялся акт первый, в котором инспектор требовал немедленно подать ему еще ненаписанный документ, а начальство, имеющее право подписи подобных бумажек, отсутствовало. Нас тогда, помнится, спасли политические дрызги. Отделение сыска создали, а начальника сразу не назначили, ну а без руководства – какая же бюрократия?

Когда за письмоводителем закрылась дверь, инспектор не торопясь перелистал оставленные им бумаги и негромко сказал:

– Хорошо, Ефим, я вас слушаю. Дело хоть интересное?

Со времени нашего знакомства он не уставал поражать меня своей проницательностью, но тут, когда я еще ни словом не обмолвился, это просто выбило меня на секунду из колеи, и я брякнул:

– Но как?

– Ефим, Ефим, – покачал головой инспектор. – Я готов, исключительно в порядке рассуждения, допустить мысль, что вы способны предпочесть вот эту бумажную волокиту, – он обвел рукой бумаги на столе. – Возможности покопаться в очередном летающем чуде техники,

но как рабочую версию я ее принять никак не могу. Слишком ничтожна вероятность. Стало быть, вам нужен я. Учитывая ограниченный круг моих интересов и дополнительно урезая его за счет вашего равнодушия к правильным сортам чая, вывод абсолютно очевиден. У вас на руках сложное дело и вам нужен совет. Отсюда и вопрос: дело интересное или так себе?

– Интересное.

– Хм... Кого убили?

– Никого, насколько я знаю.

Инспектор покачал головой.

– Надо же, как вам сходу подфартило. Только приехали, а сразу и дело интересное нашлось, и без смертоубийства. Но кто преступник, вы пока не установили?

– В общих чертах – установил, – ответил я.

Инспектор откинулся на спинку кресла и внимательно уставился на меня.

– Вы, Ефим, прямо как в сказку попали. Хвастайтесь, я вас внимательно слушаю.

– Насчет сказки, это вы в точку, – сказал я. – У нас тут дело о русалках вырисовывается.

Густые брови инспектора изобразили домик. Я быстро, но во всех подробностях пересказал ему историю братьев Морошкиных. Инспектор слушал молча. Лишь когда я дошел собственноручно до русалок, он медленно покачал головой.

– Хорошо, – сказал инспектор. – Первый вопрос: кто выступает в роли русалок?

Своей версии у меня не было, поэтому я озвучил то, что слышал от Морошкиных.

– Братья считают, что это русалки и есть.

– Вздор, – фыркнул инспектор. – Народ у нас суеверный. Подчас в такую бесовщину верит, что не сразу и поймешь, как такое вообще придумать можно. Но вы-то, Ефим, образованный человек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.